Кемеровского государственного университета https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1041-1050

оригинальная статья

Прагматический аспект передачи фонических средств при переводе англоязычных поэтических текстов

Наталья Александровна Куракина

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Россия, г. Калининград; https://orcid.org/0000-0001-6696-2227; petrusevich1@mail.ru

Игорь Сергеевич Ачинович Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Россия, г. Калининград

Поступила в редакцию 16.07.2021. Принята после рецензирования 28.09.2021. Принята в печать 18.10.2021.

Аннотация: В наши дни интерес к изучению связи между звуком и значением, фоностилистического оформления текста возрос. Актуальность данного исследования заключается в том, что одним из перспективных фонетических направлений стало изучение функционирования звукоизобразительности в поэзии, которая сообщает произведению большую выразительность. Цель – выявить прагматические особенности передачи фонических средств при переводе современных англоязычных поэтических текстов. Цель обусловила выбор методов: сравнительно-сопоставительный анализ, методы фоносемантической и фоностилистической интерпретации оригиналов стихотворений и их переводов, закон тесноты стихотворного ряда О. Н. Тынянова. Для вычисления частотности встречаемости звуков в контексте фоносемантического анализа в русскоязычных текстах нами был использован метод подсчета звуков В. Н. Елкиной и Λ . С. Юдиной, а для вычисления частотности звуков в англоязычных текстах – метод подсчета звуков Цоя Вай Чуэн Томаса. Теоретическую базу исследования составили труды М. А. Балаш, Г. В. Векшина, З. С. Дотмурзиевой, В. Н. Елкиной, А. П. Журавлева, Л. В. Лаенко, Ф. Мико, Л. П. Прокофьевой, Е. А. Титовой и др. Объектом исследования является фоника поэтического текста и ее прагматический потенциал. Предметом – сравнение прагматики звукоизобразительных средств в английском и русском языках. В качестве материала для настоящего исследования были рассмотрены современные поэтические тексты: стихотворение современной британской поэтессы С. Дагдейл Zaitz и три его перевода на русский язык, выполненные Е. Третьяковой, А. Щетининой и М. Виноградовой, а также стихотворение К. Э. Даффи Энн Хэтуэй и его перевод Ю. Фокиной. Теоретическая значимость исследования определяется ролью звукоизобразительных средств в поэтическом дискурсе и установлении взаимосвязи между звуковой организацией поэтической речи и реализацией прагматического потенциала на фонографическом уровне, в развитии способов определения эффективности передачи фонических (фоносемантических и фоностилистических) приемов при переводе. Результаты исследования можно применять при разработке учебно-методических пособий по письменному переводу, стилистике, фонетике.

Ключевые слова: фоностилистика, фоносемантика, звуко-цветовая организация текста, эмоциональная окрашенность текста, прагматический потенциал, современная британская поэзия

Цитирование: Куракина Н. А., Ачинович И. С. Прагматический аспект передачи фонических средств при переводе англоязычных поэтических текстов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 1041-1050. https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1041-1050

Введение

Долгое время многие лингвисты игнорировали звукоизобразительную систему, считая ее объем малочисленным, а словообразовательную продуктивность низкой. Однако во второй половине XX в. было доказано, что объем фоносемантических и фоностилистических средств намного больше, чем принято считать.

Рассматривая прагматику текста, целесообразно провести сравнительный фонический анализ оригиналов и переводов поэтических текстов на предмет реализации прагматического потенциала, сравнить звуко-цветовую организацию современного англоязычного поэтического текста и его перевода на русский язык. Принято считать, что прагматический потенциал может присутствовать на любом из текстовых уровней, среди которых можно выделить фонографический, лексический, синтаксический

и общетекстовый [1–3]. Также мы установили, что текст может взаимодействовать с реципиентом и воздействовать на него, т. е. вызывать определенные эмоциональные реакции [4–11]. В. Н. Комиссаров называет это прагматическим потенциалом текста или коммуникативным эффектом [12, с. 95]. Прагматический потенциал текста на фонографическом уровне реализуется такими приемами, как ритм, рифма, аллитерация, ассонанс, диссонанс, анафора, эпифора, параллельные конструкции, которые играют важную роль для достижения эвфонии текста, т. е. его благозвучия [1–3].

Авторы современных поэтических текстов уделяют особое внимание языку, а именно фоносемантическим и фоностилистическим особенностям [13, c. 6]. Перед созданием текста автор ставит перед собой задачу объективировать

Кемеровского государственного университета

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1041-1050

свои мысли и реализовать свой творческий замысел посредством передачи накопленных знаний [14, с. 10]. Для того чтобы создать текст, автору необходимо на ментальном уровне отобрать те явления реальной действительности, которые совпадают с его мыслями и убеждениями. Личностные особенности автора могут существенно повлиять на содержание и модель художественного текста. Отражение личности автора в художественном произведении проявляется с помощью средств выразительности языка, образов и скрытого смысла текста. Звуко-цветовая организация текста является важной частью скрытого подтекста, где раскрывается отношение автора, его настроение, мироощущение.

Т. М. Рогожникова утверждает, что существуют общие тенденции весомости звуко-цветовых соответствий для любого типа текста и отличительная фоносемантическая организация у определенного типа текста. Исследуя вопрос цветового значения в различных контекстах и сознания, она сделала вывод, что в анализе звуко-цветовых соответствий заложен важный прикладной аспект. Благодаря исследованию явления звуко-цвета можно создавать гармонично построенные тексты с точки зрения визуального, аудиального и кинестетического восприятия [15, с. 220]. Минимальной единицей звуко-цветового оформления текста можно считать звукобукву, которую А. П. Журавлев определяет как «элемент языка, который формируется за счет звуков речи, но воспринимается и закрепляется в сознании лишь за счет буквы, графической формы

звука» [16, с. 11]. При переводе поэтических текстов особенности передачи экстралингвистической информации стоят наравне со способами передачи лингвистической информации [17].

Способы реализации прагматического потенциала на фоническом уровне в оригинале и переводах стихотворения С. Дагдейл Zaitz

Для фонического анализа мы взяли стихотворение $Zaitz^1$ британской поэтессы C. Дагдейл и три его перевода на русский язык, выполненные E. Третьяковой², A. Щетининой³ и M. Виноградовой⁴ (табл. 1).

Dugdale S. Zaitz

Noon, and the woods are still bright
With the sun, the snow that fell last night.
The birds, the few that haven't gone
Are watched by a fisherman, crouching alone.
I've been here a while by the lake
Where the ice is marbled, opaque.
I've been here a while, sniffing about
Wondering if he will come riding out
Knowing that he must come riding by
Past the dark mill on the rise.
As he approaches through the snow
I will prick my ears and I will know
And then when he draws close at last
I will throw myself across his path.

Табл. 1. Переводы стихотворения Zaitz S. Dugdale на русский язык Tab. 1. Russian Translations of S. Dugdale's Zaitz

Третьякова Е.	Щетинина А.	Виноградова М.
Зимний полдень, снег искрится,	Полдень. Снегом опушку укрыло,	Полдень, солнце ласкает лес,
Лес под солнцем серебрится,	Все вокруг неподвижно застыло.	Снег искрится – он падал всю ночь с небес.
Под тоскливый крик ворон	Смотрит, ежась, рыбак одинокий	Рыбак одинокий в снегах
Рыбаки впадают в сон.	На сорок у замерзшей осоки.	Глядит на зимних – немногих – птах.
Я все жду, все жду и жду,	Лед на озере мраморно-белый	У озера, где я несу дозор,
Лапкам холодно на льду.	По нему я прошелся несмело.	Матовый лед расстилает узор.
Воздух нюхаю и злюсь:	Новый запах с тревогой вдыхаю,	Я несу дозор, я сижу и жду –
Пропустить его боюсь.	Он сегодня проедет, я знаю,	Не поскачет ли он, на свою беду.
Путь его известен мне –	Мимо мельницы, что за холмами,	А дорога его по лесной кайме
Мимо мельни на холме;	Мимо сосен седых за домами.	Мимо темной мельницы на холме.
Только грянет конский шаг	Чу! Он едет. Все ближе и ближе.	Застучат копыта на хрустком снежку,
В растревоженных ушах,	Я замру. И как только увижу	Я уши прижму, изготовлюсь к прыжку.
Я не струшу, я смогу,	Тень его на слепящем снегу,	Вот подъедет он – ну, еще чуть-чуть –
Путь ему перебегу.	Перед ним по тропе пробегу.	Я под ноги метнусь, перережу путь.

¹ Дагдейл С. Zaitz // В двух измерениях: Современная британская поэзия в русских переводах / ред. М. Бородицкая, Г. Кружков. М.: НЛО, 2009. С. 436.

² Zaitz (перевод Е. Третьяковой) // Там же. С. 437.

³ Zaitz (перевод А. Щетининой) // Там же. С. 438.

⁴ Zaitz (перевод М. Виноградовой) // Там же. С. 439.

Кемеровского государственного университета

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1041-1050

Предпереводческий анализ стихотворения показал, что оно носит странное для носителя английской культуры название — Zaitz, что является транслитерацией русского слова заяц. Подобным образом поэтесса предлагает нам взглянуть на известную легенду, когда А. С. Пушкин в 1825 г. отправился к друзьям в Санкт-Петербург из усадьбы Михайловское, однако позже вернулся из-за перебежавшего ему дорогу зайца, посчитав это дурным знаком.

В европейской традиции, к которой принадлежит поэтесса, заяц ассоциируется с быстротой и робостью, зайца принято изображать в прыжке, тогда как в славянской культуре образ зайца символизирует трусость, слабость, осторожность, а также душу, явившуюся с того света, мощь нарождающейся жизни. Именно этими смыслами С. Дагдейл и наполнила образ зайца, который затаился, чтобы пробежать перед неизвестным.

Повествование ведется через напряженный внутренний монолог зайца. Эффект напряженного ожидания, который заставляет нас замереть и всмотреться в природу, создается посредством прерывистого ритма. Эмоциональное напряжение усилено повторами, которые звучат, как заклинание: $I've\ been\ here\ a\ while\ (в\ пятой\ и\ седьмой\ строчках),\ I\ will\ prick,\ I\ will\ know,\ I\ will\ throw\ (в\ двенадцатой\ и\ четырнадцатой\ строчках).$

Стихотворение написано в рифмованной форме. В англоязычной культуре рифмованная поэзия ассоциируется с детской литературой или пародийным жанром. Вероятнее всего, эта форма обусловлена русской темой и А. С. Пушкиным, однако поэтесса исказила размер хорея.

Для описания эмоциональной окрашенности стихотворение было затранскрибировано, подсчитано количество звуков и выявлено отклонение от среднего показателя частотности встречаемости звука в английском языке на основе исследования Цоя Вай Чуэн Томаса [18].

Анализ частотности встречаемости звуков в оригинале показал (табл. 2), что в стихотворении присутствуют отклонения от среднего показателя, однако они незначительны

Табл. 2. Отклонение количества звуков от нормы в оригинале стихотворения Zaitz,%

Tab. 2. Deviation in the number of sounds from the norm in the original text, %

Звук	Частотность в тексте	Средний показатель	
n	13,66	11,56	
1	8,69	6,67	
w	7,45	3,84	
d	6,21	7,94	
v	1,86	3,38	
ai	56,25	34	
ei	6,25	27,4	
i	27,27	15	
i:	6,81	9,8	

для эмоционального воздействия. Например, дифтонги [ai] и [ei] выражают удовольствие, т. е. они положительны. Можно заметить, что встречаемость дифтонга [ai] в тексте на 22% больше, чем в среднем, однако это не нарушает уровень нейтрального эмоционального воздействия, поскольку встречаемость дифтонга [ei] понижена, что стабилизирует уровень эмоционального воздействия. Стихотворение можно охарактеризовать как эмоционально нейтральное.

Во всех переводах сохранено оригинальное название стихотворения – Zaitz, которое узнается русскому читателю, однако для него остается неясным данный выбор его написания латинскими буквами, тогда как в оригинале такое написание оправдано. Для передачи названия кириллицей можно воспользоваться похожим приемом – транскрипцией, однако слово hare (заяц) в английском языке является омофоном слову hair (волосы) из-за чего возникает ненужная двусмысленность. Слово rabbit (кролик) мы не рассматривали, поскольку у него другая семантика, а перевод названия как 3asu несет смысловые потери. Таким образом, можно сделать вывод, что название передано единственным возможным способом – c сохранением инородных элементов, что влияет на целостное восприятие стихотворения.

Переводчица Е. Третьякова решила исправить обрывистый ритм правильным хореем, что нарушает эффект напряженного ожидания, присутствующий в оригинале, а для передачи параллельных конструкций *I've been here а while* она трижды использует слово жду, в котором звуки [ж] и [у] обладают негативной коннотацией. Е. Третьякова – единственная переводчица, которая использует графон. Так, она выделяет слово его в восьмой и девятой строчках (Пропустить его боюсь. // Путь его известен мне), однако данный прием отсутствует в оригинале. Таким способом она хотела обратить внимание читателей на это слово, т. е. сделать эксплицитным то, что в оригинале скрыто, имплицитно для достижения прагматического воздействия.

Для вычисления частотности встречаемости звуков в русскоязычных текстах нами был использован метод подсчета звуков В. Н. Елкиной и Л. С. Юдиной [19]. Выполнив фоносематический анализ, мы пришли к выводу, что данный текст можно охарактеризовать как злой, согласно разработанной А. П. Журавлевым качественной характеристики текста. Это подтверждает частотность встречающихся негативных (по А. П. Журавлеву) звуков (табл. 3), а если эти звуки, как, например, в 11 и 12 строчках (Только грянет конский **шаг** // В растревоженных **ушах**), находятся внутри рифмы, то эффект усиливается.

А. Щетинина сохраняет ритм неправильного хорея, благодаря чему удается воссоздать эффект ожидания. В ее переводе можно заметить большее количество пауз, вызванных короткими предложениями, к концу стихотворения они создают эффект ожидания перед прыжком. Она не сохраняет параллельные конструкции двенадцатой и четырнадцатой строчек, но при этом для передачи повтора вводит другие параллельные конструкции в девя-

Кемеровского государственного университета

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1041-1050

Табл. 3. Отклонение количества звуков от нормы в переводе Е. Третьяковой. %

Tab. 3. Deviation in the number of sounds from the norm in E. Tretyakova's translation, %

Звук	Частотность в тексте	Средний показатель
ó	4,96	3,69
у	2,6	0,83
ý	4,58	2,3
x	2,29	0,92
ж	1,52	0,8
Λ	4,19	5,75

той и десятой строчках и аллитерацию звука [c] (Mumo мельницы, что за холмами, // Mumo сосен седых за домами). В девятой строчке появляется аллитерация звуков [м] и [л], отсутствующая в оригинале (Mumo мельницы, что за холмами). В своем переводе она вводит прием звукоподражания при помощи употребления междометия чу с шипящей согласной (y! Он едет. Все ближе и ближе), который сигнализирует о затаившем дыхании и сосредоточенности перед прыжком.

Анализ эмоциональной окрашенности текста (табл. 4) показал нейтральность текста, что соответствует оригиналу. Сравнив частотность звуков, мы увидели, что негативно окрашенных (по А. П. Журавлеву) среди них меньше. Например, ударный звук [y] встречается в 1,8 % процентах случая, вместо 4,5 %, как было в первом переводе, а положительно окрашенный ударный звук $[\Lambda]$ в 6,9 % против 4,1 %.

Табл. 4. Отклонение количества звуков от нормы в переводе А. Шетининой. %

Tab. 4. Deviation in the number of sounds from the norm in A. Shchetinina's translation, %

Звук	Частотность в тексте	Средний показатель	
ó	6,3	3,69	
Э	5,4	2,75	
х	1,2	1,2	
ж	1,52	0,8	
ý	1,8	2,3	
Λ	6,9	5,75	

М. Виноградова в переводе сохранила ритм неправильного хорея. В первой строчке появляется аллитерация звука $[\Lambda]$ (Полдень, солнце ласкает лес), которая придает благозвучие тексту. В отличие от перевода А. Щетининой вспомогательными средствами для создания эффекта ожидания у нее служат не короткие предложения, а тире, которые выполняют ту же функцию. Повторение I' ve been here a while в пятой и седьмой строчках оригинала она передает

повтором s несу дозор, а на следующей строчке читаем на свою беду, что означает, что она переводит с позиции всезнающего переводчика, как и в случае с E. Третьяковой, T. e. она делает эксплицитной информацию, только подразумевающуюся в тексте, усиливая эмоциональное воздействие.

Анализ эмоциональной окрашенности текста (табл. 5) показал, что в тексте преобладает эмоция печали. Это объясняется повышенным количеством ударного звука $[\acute{y}]$, который часто присутствует в рифмованных словах, повышенным количеством аллофона [ие], а также расположенными на коротком расстоянии друг от друга шипящими звуками [ж], [ш], [ч] и глухим звуком [x] (Глядит на зимних – немногих – птах.... // Застучат копыта на хрустком снежку, // Я уши прижму, изготовлюсь к прыжку. // Вот подъедет он – ну, еще чуть-чуть – // Я под ноги метнусь, перережу путь).

Таба. 5. Отклонение количества звуков от нормы в переводе M. Виноградовой, %

Tab. 5. Deviation in the number of sounds from the norm in M. Vinogradova's translation, %

Звук	Частотность в тексте	Средний показатель	
ó	6	3,69	
ие	5,14	2,01	
ý	4,85	2,3	
Δ [']	1,42	0,99	
с	4,57	3,27	
х	1,71	0,92	

Таким образом, среди трех представленных переводов самым удачным является перевод А. Щетининой, поскольку общий фоносемантический уровень текста в нем соответствует оригиналу, т. е. является нейтральным, в отличие от двух остальных, а различные фоностилистические средства, такие как аллитерация, повторы и ритм, переданы без нарушения эмоциональной окрашенности текста. Перевод А. Щетининой полностью выполняет коммуникативную функцию оригинала и реализует прагматический потенциал.

Звуко-цветовая организация оригинала стихотворения Zaitz и его переводов на русский язык: сравнительный анализ

Основываясь на результатах исследования Λ . П. Прокофьевой о цветовых соответствиях для графонов английского языка [20] и результатах исследования Λ . П. Журавлева [16] о цветовых соответствиях для звукобукв русского языка, мы придали каждому графону стихотворения Zaitz С. Дагдейл и каждой звукобукве его переводов соответствующий цвет и вычислили их процентное соотношение к целому тексту.

Фоносемантический анализ оригинала показал, что в нем преобладает зеленый цвет (31,7 %), следующими

Кемеровского государственного университета

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1041-1050

представлены белый (21,86 %), красный (15,72 %) и желтый (15 %), реже встречаются синий (5,9 %), оранжевый (5,65 %) и коричневый (2,94 %), фиолетового (0,73 %) и черного (0,5 %) цветов очень мало, а серый цвет в тексте отсутствует. Полученные результаты очень близки к средним показателям других текстов, поскольку ранее собранная статистика частотности звуков в оригинале стихотворения Zaitz, которая позволила нам определить отклонения от нормы, показала, что отклонения минимальны и не создают дополнительного семантического значения.

Самым явным отличием цветовой организации стихотворения Zaitz в оригинале и его переводах на русский язык является разный доминирующий цвет. Если в оригинале почти треть всего текста окрашена в зеленый цвет (31,7%), то в переводах зеленого цвета в два раза меньше (табл. 6, рис. 1), но в пять раз больше синего, по сравнению с английским текстом. В русской культуре синий цвет долгое время имел негативную коннотацию, он ассоциировался с опасностью. В английской культуре синий означал верность. Из общих черт можно выделить, что в обеих культурах он ассоциируется с грустью и унынием. У зеленого цвета похожие ассоциации – грусть и тоска, однако он приобретает и дополнительное значение – неопытность, молодость. Желтый цвет в русской культуре ассоциируется с болезнью, в английской - с трусостью, а также с неопытностью в обеих культурах. У красного цвета в русской культуре – положительное значение, поскольку он относится к славянскому слову, означающему красоту, а в английской культуре красный цвет ассоциируется больше с кровью [21].

Фоносемантический анализ оригинала и переводов показал, что переводы – более грустные по сравнению с оригиналом. Самым тоскливым (применяя качественную

характеристику текста, разработанную А. П. Журавлевым) оказался перевод Е. Третьяковой с наибольшим суммарным процентом цветов, означающих уныние, — синий и зеленый. Цветовая палитра более равномерно в процентном соотношении распределена по тексту в русском языке, что говорит о ее богатстве.

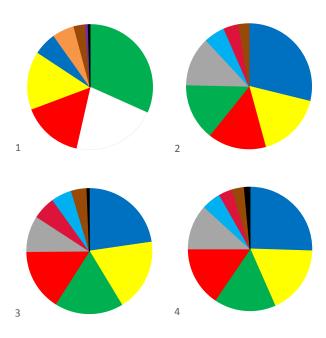

Рис. 1. Соотношение цветовой организации стихотворения Zaitz С. Дайгдейл в оригинале (1) и его переводах: 2 – Е. Третьякова, 3 – А. Щетинина, 4 – М. Виноградова Fig. 1. Color organization of S. Daigdale's Zaitz (1) and its translations: 2 – E. Tretyakova, 3 – A. Shchetinina, 4 – M. Vinogradova

Табл. 6. Частотность звукобукв в процентном соотношении в оригинале и переводах стихотворения Zaitz C. Дайгдейл, % Tab. 6. Frequency of sound-letters in S. Daigdale's Zaitz and its translations, %

Цвет	Оригинал -	Переводы		
		Третьякова Е.	Щетинина А.	Виноградова М.
Зеленый	31,7	14,6	17,7	16,1
Белый	21,86	_	-	-
Красный	15,72	15	15,83	15,5
Желтый	15	16,92	18,65	17,9
Синий	5,9	28,84	22,7	25,5
Оранжевый	5,65	-	-	-
Коричневый	2,94	2,7	4	3,2
Фиолетовый	0,73	_	-	-
Черный	0,5	-	0,62	1,5
Серый	-	12,7	9,3	11,8
Голубой	-	5,4	5,3	5
Малиновый	_	3,84	5,9	3,5

Кемеровского государственного университета

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1041-1050

Способы реализации прагматического потенциала на фоническом уровне в оригинале и переводе стихотворения Кэрол Энн Даффи Anne Hathaway

Кэрол Энн Даффи (р. 1955) – английская поэтесса и драматург. В табл. 7 представлено ее стихотворение Anne Hathaway в оригинале⁵ и переводе⁶ на русский язык Ю. Фокиной. Выбор эпиграфа не случаен: в него вынесена цитата из завещания У. Шекспира о second best bed – «второй из лучших моих постелей / второй по качеству кровати» для жены (платоновская аллюзия), причем жена в завещании указана без собственного имени, тогда как в названии мы видим ее биографическое имя, к тому же она названа не по фамилии мужа, а по своей девичьей. Лирическое Я стихотворения рефлексирует о значении этой «второй из лучшей постелей / второй по качеству кровати» в жизни У. Шекспира и его жены.

Рассматривая фонические средства, стоит обратить внимание на ритм и рифму стихотворения. Оно написано в форме сонета, но, в отличие от привычной шекспировской схемы рифмовки abab cdcd efef gg и преимущественно пятистопного ямба, К. Э. Даффи отклоняется от привычной схемы рифмовки в пользу abab cdce ffgg hh и сбивчивого метра пятистопного ямба. В первых двух четверостиши-ях – рифмовка перекрестная, а в третьем четверостишии и последнем двустишии – смежная.

Подсчитав количество звуков в оригинале, мы смогли вычислить средний показатель частотности встречаемости

звука в тексте и выявить его отклонения от нормы, ориентируясь на результаты исследования Цоя Ван Чуэн Томаса. К явным отклонениям от нормы можно отнести звуки [i], [e], [э] и дифтонги [ei], [аi], [а $_{\rm U}$], [э $_{\rm U}$], [эi]. Так, частотность светлого, положительного звука [i] в тексте составляет 2,1 % (при норме 15 %), а темного и негативного звука [5] – 13,6 % (при норме 4,6 %), однако данное эмоциональное смещение в негативную сторону компенсируется повышенной частотностью светлого и положительного звука [e] – 20 % (при норме 9,1 %). В тексте отсутствуют напряженные дифтонги [ei], [ai], [эi] (при норме 27,4 %, 34 % и 5,2 % среди дифтонгов соответственно), а присутствующие [20] и $[a_0]$ в процентном соотношении 63,6 % к 36,3 % (при норме 24 % и 11,9 % соответственно) обладают темным, негативным значением. Мы пришли к выводу, что стихотворение обладает нейтральной эмоциональной окраской.

Во второй строчке перечисление (of forests, castles, torchlight, cliff-tops, seas) создает аллитерацию звуков [s], [t], [1], что напоминает шуршание листвы, шум моря, потрескивание огня. Важной составляющей для мотива противопоставления супружеской, второй лучшей, кровати и гостевой, другой лучшей, кровати является аллитерация звуков [b] и [d] в восьмой (Some nights I dreamed he'd written me, the bed) и десятой (and drama played by touch, by scent, by taste) строчках, усиленная звуками [s] и [t] в параллельной конструкции. Аллитерация в привычном для английской культуры смысле слова, т. е. в начальной позиции,

Табл. 7. Оригинал стихотворения Anne Hathaway К. Э. Даффи и его перевод на русский язык Ю. Фокиной Таb. 7. С. E. Duffy's Anne Hathaway and Y. Fokina's translation

Anne Hathaway

Item I gyve unto my wife my second best bed... (from Shakespeare's will)

The bed we loved in was a spinning world of forests, castles, torchlight, cliff-tops, seas where he would dive for pearls. My lover's words were shooting stars which fell to earth as kisses on these lips; my body now a softer rhyme to his, now echo, assonance; his touch a verb dancing in the centre of a noun. Some nights I dreamed he'd written me, the bed a page beneath his writer's hands. Romance and drama played by touch, by scent, by taste. In the other bed, the best, our guests dozed on, dribbling their prose. My living laughing love – I hold him in the casket of my widow's head as he held me upon that next best bed.

Энн Хэтуэй (перевод Ю. Фокиной)

Своей жене я оставляю одну из двух кроватей – ту, что похуже.
Из завещания Шекспира

Земля была о четырех углах и балдахине, и она плыла. И, вынырнув с метафорой в зубах, он погружался снова. Рифмопад мне плечи щекотал. Упрямый ямб он мял о нёбо, и анжамбеман так долго точку ощупью искал... Потом мне снилось, будто я – сюжет, кровать – страница. Сочиняя роль флюиду, привкусу, касанью – он прислушивался к гостю – тот храпел на лучшем ложе, а во рту балласт ремарок пузырился... Этот лист я расправляю сморщенной рукой, как наволочку под его щекой.

⁵ Duffy C. E. Anne Hathaway // Там же. С. 392.

⁶ Даффи К. Э. Anne Hathaway // Там же. С. 393.

Кемеровского государственного университета

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1041-1050

отражена в двенадцатой строчке (dribbling their prose. My living laughing love) звуком [1] и усилена внутренним повтором V-F-V.

Ю. Фокина еще в эпиграфе неправильно интерпретирует строчку из завещания У. Шекспира и придает ей негативную коннотацию, переводя second best bed как одну из двух кроватей — ту, что похуже. Изучив оригинал стихотворения, мы пришли к выводу, что эта кровать является бескрайним миром, вмещающим леса, замки и моря, тем местом, где писались стихотворения, а другая кровать — условно первая лучшая — предназначалась для гостей, выраженных в оригинале словами guests и their и противопоставленным местоимениям I, his, we. Таким образом, вторая из лучших постелей / вторая по качеству кровать для У. Шекспира и его жены была более ценной, чем первая.

Следующими несоответствиями в передачи фонических средств является неправильная передача размера, рифмы и структуры. В отличие от оригинального сонета с четырнадцатью строчками переводчица добавляет одну дополнительную строчку, что нарушает его структуру и изменяет рифмовку с abab cdce ffgg hh на abab cdce ffgh ijj. Поскольку К. Э. Даффи ссылается на творчество У. Шекспира, то сохранение сонетной структуры является необходимым. Если в оригинале у нас сбивчивый пятистопный ямб, то Ю. Фокина исправляет это и создает перевод с правильным пятистопным ямбом, которым писал У. Шекспир. Данное переводческое решение нам кажется неправильным, потому что повествование ведется не от лица У. Шекспира, а от лица его жены, и оно, соответственно, должно носить отличительные признаки поэзии, поскольку у каждого автора – свой идеостиль.

В переводе утрачивается противопоставление кроватей местоимениями other и we (единство I и he, his), в переводе едва заметно лирическое Я, однако повтор важного для мотива оригинала негативного переднеязычного, звонкого, щелевого звука [d], который входит в состав слова bed, передается многократным повтором следующих звуков: шумного, заднеязычного, глухого, смычного [к], сонорного, небно-зубного, дрожащего [р] и шумного, переднеязычного, глухого, смычного [т], которые присутствуют в слове кровать. В шестой строчке (он мял о нёбо, и анжамбеман) аллитерация звуков сонорных звуков [н] и [м] хоть и создает впечатление мятости, сминания, но в добавок к этому появляется ощущение того, что создание стихотворений было через силу, что это было мукой, а аллитерация звуков [т] и [к] в седьмой строчке (так долго точку ощупью искал) говорит о неудачных попытках любителя, тогда как в оригинале говорится о том, что весь язык ему подчинялся.

Изучив перевод Ю. Фокиной, мы пришли к выводу, что переданная часть фонических приемов не оказывает того воздействия, которое заложено в оригинале сонетом (обращение к творчеству У. Шекспира) сбивчивым ритмом и рифмовкой (указание на то, что лирическое Я в стихотворении – не У. Шекспир, а его жена).

Звуко-цветовая организация оригинала стихотворения *Anne Hathaway* и его перевода на русский язык: сравнительный анализ

Фоносемантический анализ оригинала показал, что в нем преобладает зеленый цвет (31,51 %), следующими по частотности представлены желтый (16,76 %), белый (16,56 %), красный (14,14 %), оранжевый (7,5 %), синий (6,86 %) и коричневый (5,05 %), а меньше всего фиолетового (1,22 %), черного (0,2 %) и серого (0,2 %) цветов (рис. 2). Анализ перевода показал, что основным цветом стихотворения является синий (27,4 %), затем идут красный (21,4 %), желтый (17,26 %), серый (10,95 %), зеленый (8,5 %), голубой (5,2 %), малиновый (3,83 %), коричневый (3 %), черный (1,64 %) и фиолетовый (0,82 %) (рис. 2).

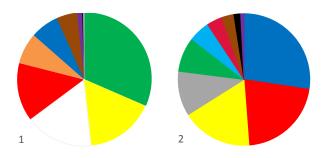

Рис. 2. Соотношение цветовой организации оригинала стихотворения *Anne Hathaway* К. Э. Даффи (1) и его перевода на русский язык Ю. Фокиной (2)

Fig. 2. Color organization of C. E. Duffy's $Anne\ Hathaway\ (1)$ and Yu. Fokina's translation (2)

В отличие от оригинала, в переводе зеленого цвета почти в четыре раза меньше (8,5%). Как в русской, так и в английской культуре он ассоциируется с неопытностью и природой, однако в последней культуре приобретает дополнительное семантическое значение – плохое состояние здоровья, самочувствия. Частотность в переводе желтого цвета сохранена. В системе цветовых соответствий А. П. Журавлева для русских звукобукв отсутствует белый цвет, которого в оригинале 16,56 %. В английской языковой картине мира он часто ассоциируется с честностью, добродетелью, добром, радостью. Вместо белого цвета А. П. Журавлев вводит серый, который в обеих культурах считается нейтральным, «никаким» [22, с. 5]. Серого цвета в переводе – 10,95 %, а красного почти на 7 % больше (21,4 %), чем в оригинале (14,14 %). Помимо общих ассоциаций, вызываемых красным цветом (огонь, радость, гнев), в английской культуре он более негативно окрашен и связан с нечистой силой, тогда как в русской – с красотой. В переводе преобладает синий цвет (27,4 %), в оригинале он занимает шестое место по частотности (6,86 %). В обеих культурах он ассоциируется с мистикой, нечистой силой, тоской, грустью, бедой и водой, и только в русской – еще и с огнем.

Кемеровского государственного университета

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1041-1050

Поскольку лирическое Я в стихотворении ностальгически вспоминает о своем умершем муже, У. Шекспире, о пережитых вместе моментах творчества и рефлексирует о важнейшей и интимной роли second best bed (второй по качеству кровати) в их жизнях, то наилучшим цветом, который бы это выразил, является синий, который доминирует в переводе. В оригинале же эту функцию выполняет белый цвет – цвет добродетели. Частотность остальных цветов обусловлена различием количества словоформ в разных языках.

Заключение

Установив, что в поэтических текстах связь между звучанием и значением становится наиболее ощутимой [23], мы пришли к выводу, что подобные связи создают смысловые парадигмы. Однако, как мы обнаружили, при их передаче могут возникнуть проблемы с передачей прагматического потенциала на фонографическом уровне, потому что один и тот же звук в разных культурах может вызывать разные ассоциации и иметь разную эмоциональную окраску, поэтому нужно передавать не точный звуковой строй, а прежде всего те смысловые парадигмы, которые заложены в оригинале [24; 25].

Наиболее частотным фоностилистическим средством в оригиналах является аллитерация. Для реализации прагматического потенциала в переводах используются такие же средства, однако передаются не те же самые структуры или звуки, а те структуры или звуки, которые позволяет использовать язык перевода. Важной частью сохранения прагматического потенциала является передача метрики оригинала – анализ показал, что искажение

оригинальной метрики может изменить целостное восприятие текста.

Звуко-цветовая организация текста в английской и русской культурах по большей части совпадает, однако наблюдается разная цветовая ассоциативность, что обусловлено культурной спецификой. Разное историческое и культурное развитие стран – причина того, почему переводчикам не всегда удается точно передать прагматический потенциал на фонографическом уровне, а также цветовую организацию текста.

Данная работа может помочь при выявлении идиостилей авторов и углубить знания в области фоники. Перспектива дальнейшего исследования может заключаться в разработке более усовершенствованных компьютерных программ, позволяющих проводить фонический анализ текстов. С помощью анализа звуко-цветовых соответствий можно создавать переводные тексты, которые будут выстроены грамотно и логично с точки зрения визуализации, аудиального восприятия и кинестетики. Кроме того, можно обратиться к усовершенствованию переводов поэтических текстов с английского языка на русский с учетом фонических характеристик, что позволит изменить качество письменного перевода художественных текстов.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи. Критерии авторства: Н. А. Куракина – научное руководство проектом, концептуализация, методология, валидация, анализ данных и их редактирование, визуализация. И. С. Ачинович – сбор материала, анализ данных, визуализация.

Литература

- 1. Дотмурзиева З. С. Прагматика англоязычного художественного текста и проблемы прагматики его перевода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2006. 20 с.
- 2. Безменова Λ . Э. Функционально-семантические и прагматические особенности речевых актов (на материале комплиментов в современном английском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2001. 18 с.
- 3. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. 4-е изд. М.: URSS, 2018. 176 с.
- 4. Которова Е. Г. Прагматика в кругу лингвистических дисциплин: проблемы дефиниции и классификации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23. № 1. С. 98–115. https://doi. org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-98-115
- 5. Титова Е. А. Прагматический аспект передачи звукоизобразительных средств при переводе поэтических текстов (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 19 с.
- 6. Фатюхин В. В. Особенности перевода звукоподражаний и междометных глаголов (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 184 с.
- 7. Чернец А. О. Языковые средства выражения эмоциональности в тексте английской пьесы и в переводе на русский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2004. 19 с.
- 8. Филимонова О. Е. Категориальный статус эмотивности // Язык как функциональная система / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. С. 163–178.
- 9. Орлова О. Ю. Фонетические средства выразительности в языке и тексте: существующие подходы и перспективы исследования // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 3. С. 93–99.
- 10. Векшин Г. В. Очерк фоностилистики текста: звуковой повтор в перспективе смыслообразования. М.: МГУП, 2006. 462 с.
- 11. Лайонз Д. Лингвистическая семантика. Введение. М.: Языки славян. культуры, 2003. 397 с.
- 12. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1041-1050

- 13. Зубова Л. В. Языки современной поэзии. М.: Н Λ О, 2010. 384 с.
- 14. Бабенко Λ . Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2004. 464 с.
- 15. Рогожникова Т. М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова. Уфа: УГАТУ, 2000. 242 с.
- 16. Журавлев А. П. Звук и смысл. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1991. 160 с.
- 17. Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б., Кузнецов А. Ю. Теория и практика художественного перевода. М.: Academia, 2005. 296 с.
- 18. Tsoi W. C. T. The effects of occurrence frequency of phonemes on second language acquisition: a quantitative comparison of Cantonese, Mandarin, Italian, German and American English. Chinese University of Hong Kong, 2005. 20 p.
- 19. Елкина В. Н., Юдина Л. С. Статистика слогов русской речи // Вычислительные системы. 1964. № 10. С. 58–78.
- 20. Прокофьева Л. П. Изучение звуко-цветовой ассоциативности в европейских языках: история и современность // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 256–262.
- 21. Воевода Е. В. Цветовосприятие и ассоциативные поля в русском и английском языках // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2012. № 18. С. 113–123.
- 22. Лаенко Λ . В. От семантики цвета к социальной семантике языка (на материале русских и английских прилагательных, обозначающих цвет): авторефер. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1988. 17 с.
- 23. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против» / ред. Е. Я. Басин, М. Я. Поляков. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
- 24. Мико Ф. Передача звучания при переводе лирической поэзии. М.: Радуга, 1988. 235 с.
- 25. Балаш М. А. Фоносемантическая структура текста как фактор его понимания (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 1999. 159 с.

original article

Translation Pragmatics of Phonic Expressive Means in English Poetic Texts

Natalia A. Kurakina

Igor S. Achinovich

Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, Kaliningrad; https://orcid.org/0000-0001-6696-2227; petrusevich1@mail.ru

Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, Kaliningrad

Received 16 Jul 2021. Accepted after peer review 29 Sep 2021. Accepted for publication 18 Oct 2021.

Abstract: Phono-stylistics is a promising research area. Expressive power of a text depends on its phonetic imagery. The research objective was to identify the pragmatic features of phonic expressive means in translations of contemporary English poetry. The methods included a comparative analysis, phono-semantic and phono-stylistic interpretation of the original poems and their translations, and O. N. Tynyanov's law of versification. The method of sound counting developed by E. V. Elkina and L. S. Yudina was used to calculate the frequency of sounds in the context of phono-semantic analysis in the Russian translations. The method of sound counting designed by Tsoi Vi Chuen Thomas was used to calculate the frequency of sounds in the original English texts. The theoretical foundation of the research was formed by the works by M. A. Balash, G. V. Vekshin, Z. S. Dotmurzieva, V. N. Elkina, A. P. Zhuravlev, L. V. Laenko, F. Miko, L. P. Prokofyeva, E. A. Titov, etc. The study featured the phonics and pragmatics of S. Dugdale's poem *Zaitz* and its three translations made by E. Tretyakova, A. Shchetinina, and M. Vinogradova, and C. E. Duffy's *Anne Hathaway* translated by Yu. Fokina. The author compared the pragmatics of sound imagery in the English originals and their Russian translations. The research made it possible to define the role of sound imagery in the poetic discourse, as well as the relationship between the sound organization of poetic speech and the pragmatic value at the phonographic level. The results can be used in courses of translation, stylistics, and phonetics.

Keywords: phono-stylistics, phono-semantics, sound-color organization of the text, emotional coloring of the text, pragmatic potential, contemporary British poetry

Citation: Kurakina N. A., Achinovich I. S. Translation Pragmatics of Phonic Expressive Means in English Poetic Texts. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 1041–1050. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1041-1050

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1041-1050

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: N. A. Kurakina supervized the project, developed the concept and methodology, performed the data analysis, designed the visualization, and proofread the manuscript. I. S. Achinovich collected the material, analyzed the data, and developed the visualization.

References

- 1. Dotmurzieva Z. S. The pragmatics of the English fiction text and the issues of pragmatics of its translation. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Pyatigorsk, 2006, 20. (In Russ.)
- 2. Bezmenova L. E. Functional, semantic and pragmatic features of speech acts in compliments in modern English. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Samara, 2001, 18. (In Russ.)
- 3. Kolshansky G. V. The communicative function and structure of language, 4th ed. Moscow: URSS, 2018, 176. (In Russ.)
- 4. Kotorova E. G. Pragmatics among linguistic disciplines: problems of definition and classification. *Russian Journal of Linguistics*, 2019, 23(1): 98–115. (In Russ.) https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-98-115
- 5. Titova E. A. The pragmatic aspect of the transmission of sound representations in translation poetic texts in English and Russian. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Chelyabinsk, 2006, 19. (In Russ.)
- 6. Fatiukhin V. V. Features of the translation of onomatopoeia and interjection verbs in Russian and English. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2000, 184. (In Russ.)
- 7. Chernets A. O. Linguistic means of expressing emotiveness in the text of an English play and in translation into Russian. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Pyatigorsk, 2004, 19. (In Russ.)
- 8. Filimonova O. E. *The categorical status of emotiveness. Language as a functional system*, ed. Boldyrev N. N. Tambov: Izd-vo Tamb. un-ta, 2001, 163–178. (In Russ.)
- 9. Orlova O. Yu. Phonetic expressive means in language and text: current approaches and research perspectives. *Vestnik Permskogo universiteta*. *Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2013, (3): 93–99. (In Russ.)
- 10. Vekshin G. V. Outline of text phonological philology: sound repetition in the perspective of meaning formation. Moscow: MGUP, 2006, 462. (In Russ.)
- 11. Lions J. Linguistic semantics. Introduction. Moscow: Iazyki slavian. kultury, 2003, 400. (In Russ.)
- 12. Komissarov V. N. The translation theory (linguistic aspects). Moscow: Vyssh. shk., 1990, 253. (In Russ.)
- 13. Zubova L. V. Languages of contemporary poetry. Moscow: NLO, 2010, 384. (In Russ.)
- 14. Babenko L. G. *Philological analysis of the text. Fundamentals of theory, principles and aspects of analysis.* Moscow: Akad. Proekt; Ekaterinburg: Delovaia kn., 2004, 464. (In Russ.)
- 15. Rogozhnikova T. M. Psycholinguistic study of the functioning of the polysemous word. Ufa: UGATU, 2000, 242. (In Russ.)
- 16. Zhuravlev A. P. Sound and meaning, 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie, 1991, 160. (In Russ.)
- 17. Solodub Yu. P., Albrekht F. B., Kuznetsov A. Yu. *Theory and practice of literary translation*. Moscow: Academia, 2005, 296. (In Russ.)
- 18. Tsoi W. C. T. The effects of occurrence frequency of phonemes on second language acquisition: a quantitative comparison of Cantonese, Mandarin, Italian, German and American English. Chinese University of Hong Kong, 2005, 20.
- 19. Elkina V. N., Yudina L. S. Statistics of syllables of Russian speech. Vychislitelnye sistemy, 1964, (10): 58-78. (In Russ.)
- 20. Prokofyeva L. P. The study of sound-and-color associations in the European languages: history and the present. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2008, (4): 256–262. (In Russ.)
- 21. Voevoda E. V. Colour perception and associative fields in the Russian and English languages. *Nauchnyi vestnik Voronezh. gos. arkh.-stroit. un-ta. Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniia*, 2012, (18): 113–123. (In Russ.)
- 22. Laenko L. V. From the semantics of color to the social semantics of the language in Russian and English adjectives of color. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Saratov, 1988, 17. (In Russ.)
- 23. Jakobson R. Linguistics and poetics. *Structuralism for and against*, ed. Basin E. Ya., Polyakov M. Ya. Moscow: Progress, 1975, 193–230. (In Russ.)
- 24. Miko F. The transfer of sound in the translation of lyric poetry. Moscow: Raduga, 1988, 235. (In Russ.)
- 25. Balash M. A. Phono-semantic structure of the text as a factor of its understanding: an experimental study. Cand. Philol. Sci. Diss. Gorno-Altaysk, 1999, 159. (In Russ.)